

Александр МАЛИКОВ

выпускник ФФВиС БГПИ 1984 года,

номинант литературной премии имени Л. Завальнюка 2016 года

БЕЗ ПРОРОКА, НО С ЦАРЁМ...

Заметки о российском читателе из прошлого

С Алексеем Егоровичем мы близко познакомились у трубы. Было начало июня 1986 года. Я, выпускник БГПИ, после года работы в школе № 17 Белогорска решил перебраться поближе к областному центру и продолжить учительствовать в школе села Марково, что в полчасе езды на авто от региональной столицы. Что ж, вполне приличное село, где народ в массе своей проживает в двух- и трёхэтажных многоквартирных домах с удобствами. В пользу моего выбора сыграло, казалось бы, второстепенное обстоятельство. И вот какое.

Тимофеич

Не доехав до села трёх километров, так как сломался рейсовый автобус, я не стал ждать, пока незадачливый водила оживит «мустанга», неспешно двинулся к Маркову, которое уже было видно. На окраине села, перейдя автодорожный мост через протоку Хомутина, заметил на воде примерно пятидесятилетнего небольшего мужика, суетящегося на кормовой лавке углой лодочки. «Чуток испитой» (данная сентенция, буквально — приговор, принадлежит главному герою этих заметок, но об этом позднее) марковчанин был занят проверкой дра-ненькой десятиметровой сетёнки из капроновой нити, явно самовязаной, которой чуть наискосок перегородил ерик — естественное водное сообщение между Амуром и семикилометровой протокой. В те времена, наподдав, река регулярно промывала Хомутину, и отчасти поэтому протока оставалась зарыбленной. Слово «отчасти» прозвучало не случайно, поскольку рыболовных сетей тогда у амурчан было гораздо меньше, чем теперь. Хотя в пределах видимости в северном направлении от автодорожного моста чалились никак не меньше двух десятков самодельных деревянных, деревянных с дюралевыми бортами, полностью дюралевых лодок. И каждый дважды-трижды за день в ведёрке степенно нёс выловленную рыбу домой. С водоёмом рассчитывались жмы-хом, отжимом соевого зерна либо подсолнечника. В рассказе «Легко умереть» я описал, каким образом сельчане ловили рыбу в протоке, когда Амур после взбрыка, успокоившись, сообщался с Хомутиной единственно ериком, километровой артерией, по которой в свой срок

рыба поднимается в протоку на икромёт, либо скатывается в реку в зимовальные ямы. Обычно в начале июня и в самом ерике можно наблюдать свадьбы сомов, также описанные мной в повести «Бледный Касатик».

— Почём щуки, уважаемый? — задал я вопрос человеку в лодке, чтобы не спрашивать безнадежно банальное: «Как рыбалка?» Приподняв сеть за поплавки, рыбак для начала продемонстрировал улов: три отдавшие все силы борьбе, запутавшиеся в ряжах и дели пузатых щуки. На первый взгляд, килограмма по три каждая. Пятнистые, казалось, небезучастно взирали на рыбака чёрными точками глаз, возможно, напоследок желая узнать, куда подевалась справедливость: мы-де мирно паслись на прогретом пространстве ерика, почти никого не трогали, а это что за новая вводная?

— Красненькая, — коротко ответил сельянин тоном опытного торгаша, давным-давно установившего цену ходовому продукту. Но и не без надежды в голосе, что вопрос прозвучал не праздный, ведь до открытия магазина осталось всего ничего. Мужик причалил, проворно орудуя штыковой лопатой вместо весла, неспешно вынул из наружного кармана рабочей куртки, книзу истёртой донельзя, усеянной чешуйками разного калибра, бумагу, сложенную в гармошку, и кисет (или это даже была лишь грязно-зелёного цвета тряпица), ловко спроворил самокрутку и уже через минуту пыхнул, от удовольствия на пару секунд прикрыв глаза, а духовитый дым понесло лёгким ветерком на меня. Показалось на мгновение, что рыбарь примешивает к махорке *дурилы*, в изобилии произрастающей на жирных почвах вдоль ерика.

Достав зелёный «троешный», я рассчитался с назвавшим себя Тимофеичем, отказавшись от обещанной сдачи в один «рванный», так обзывался грязно-соломенного цвета вечно мятый и истёртый бумажный рубль. На который, между прочим, можно было приобрести кило свекольного сахара да ещё и добрую — с ладонь взрослого — булку с яблочным либо грушевым повидлом в придачу.

Мы ещё сколько-то пообщались с мужичком, оказавшимся инвалидом, потерявшим пальцы ног, может, отморозившим их. Уточнять я посчитал лишним. Говорили с Иваном Тимофеевичем о необыкновенной удачливости здешней рыбалки, случившейся по причине

большого наводнения ровно за год до моего приезда. Затем рыбак взялся помочь определить щуку в сумку. Та в спортивную сумку не помещалась, да и, признаться, не очень-то хотелось испортить осклизлой рыбой добротную вещь; зато в сетку-авоську, добродушно предложенную новым знакомым, издававшая утробные звуки хищница полукольцом поместилась вполне. Попрощавшись со счастливо возникшим на моём пути удачливым рыбаком, я зашагал по центральной улице к школе, всё менее уверенный в том, что засыпающая, однако моментами взбрыкивающая щука – это именно то, что сейчас нужно мне более всего. Рыбу я всучил первой попавшейся мне на деревянном крыльце одноэтажной школы училке, похоже, моей ровеснице. За малую плату – уснувшую, наконец, щуку, от которой вниз потянулась «слиюна», – она развёрнуто ответила мне на вопрос – в каком настроении пребывает в данную минуту директриса и как следует себя при ней вести.

Надо ли говорить, что я полюбил село всей душой уже в момент встречи с Тимофеичем? То есть примерно за пятнадцать минут до знакомства со школой и её хозяйкой. От которой на самом деле зависело – работать и жить мне здесь или продолжить поиск. Потому и волновался, с трепетом ожидая оговорённой накануне встречи с директрисой. Возможно, самую малость волновалась и она, как ответственная за кадровую политику: что там, мол, за чудо (с их слов, молодое и непьющее) навязывает району? Будто ей, как многоопытной невесте, пяток раз сходявшей замуж и разочаровавшейся в мужиках окончательно, предстоял навязанный нелёгкий выбор – из десятка представленных ЗАГСом кандидатур выбрать такого, чтобы стал уже последним до веку без права замены. И таким образом, жесточайшая конкуренция среди соискателей почти не оставляла мне шанса на благоприятный исход. Моё воображение разыгралось не на шутку. Впрочем, шутки в сторону, мне на самом деле остро захотелось пожить в Маркове. При всём при том в моей родове не было рыбаков, не считая прадеда по отцовской линии, уроженца Липецкой (тогда ещё, наверно, Воронежской) области, державшего на задах усадьбы пруд, где Пётр Иванович разводил карпов, толстолобиков и амуров. Покуда его не раскулачили. Об этом можно будет прочесть в романе «Красный остров». Впрочем, согласитесь, полувольное содержание частиковых в вырытом профессиональными грабарями пруду эмоционально, по-рыбацки, несравнимо с промыслом даже в относительно дикой природе на протоке с глубинами до трёх-четырёх метров. А это, как я вскоре узнал, спустив на воду собственную лодку, и был именно промысел, поскольку поймать за сезон пятьсот килограммов рыбы в протоке не составляло большого труда. Рыбалка захватывала всецело, отодвигая на второй-третий план крестьянские заботы об огороде и живности на подворье.

А директор оказалась человеком строгим, но вполне доброжелательным. Благодаря ей моя семья обрела жильё. С удобствами. То бишь большого подворья и огорода, требующих постоянного внимания, не было, и наравне с работой основным занятием для меня стала рыбалка на протоке и реке.

Быстро освоившись в предлагаемых самой природой обстоятельствах, включившись в непрерывный процесс – с апреля по середину ноября и даже в стужу (рассказы «Змееголов», «Саргассово море» и повесть «Бледный Касатик»), я, как и все нормальные мужики, не пропускал моментов, когда Амур взбрыкивал и заливал обширные площади вокруг села, а иногда даже и низинные окраины. Одно из мест такой рыбалки на резком подъёме реки называлось «на трубе».

Марково – село, притулившееся к реке, а значит, находящееся на государственной границе. Реку Амур власти в наших краях (а в Маркове особенно ревностно) стараются оберегать от людей. Во имя сей высокой идеи – сберечь от русских реку во что бы то ни стало – вооружённые пограничники, контрольно-следовая полоса (КСП) и ограждение из проволоки на трёхметровых столбиках. При большой воде да в пору икромёта рыба валит в разлив прямо через КСП, крупные экземпляры продираются сквозь ряды колючей проволоки, отступы между которыми 10-20 сантиметров. Представьте себе, сколь велик и могуч Амур-батюшка на подъёме и сколь авантюры россияне, что иные отчаянные головы в низинных участках проволочного ограждения проплывают на лодках над ограждением и устанавливают сети прямо на КСП! Возможно даже, это форма протеста мирян, не согласных с тем, что река, как место активного отдыха и рыбалки, доступна лишь для власти предрержащих да блатных.

Егорыч

В самом начале подъёма уровня реки рыба обычно устремляется в попуски, представляющие собой бетонные армированные трубы в обхват руками крупного мужика, заделанные в грунт ниже уровня КСП и поперёк неё. Вот тут, «на трубе», на нормальном браконьерском промысле – в левой руке фонарь, в правой острога, за спиной рюкзак – мы впервые и встретились с Алексеем Егорычем. Труба одна, а рыбаков несколько. Понятно, некоторое преимущество у пришедших раньше. Но в целом расклад такой: не зевай, и как только в трубе забултыхается сомёнок либо добрый сазан, следует изготавиться и, не мешкая, встретить мигранта.

В нормальной гражданской жизни Егорыч – крепкий сельский специалист, зарабатывает честный кусок хлеба в полеводческой бригаде, где работа сезонная, авралы нечасты и много свободы для творческой рыбалки. Человек он крепкий, некрупный, но чрезвычайно громкий, а ещё шутник, балагур, матерщинник и... отчаянный книголюб. Про его гипотетический антипод можно было бы сказать: мол, без царя в голове. Но ведь не скажешь же – «...с царём в голове». По форме неправильно и двусмысленно. Тем паче власть предрержащим, сколь я знал Егорыча, от него доставалось изрядно. И власти местной, и власти кремлёвской.

Замечу, я рассказываю о середине восьмидесятых. Президент – Горбачёв. И в телевизоре всё больше и больше пророков. А вот «пророков»-то Егорыч категорически и не жаловал, возможно, предъявляя им чересчур завышенные требования. Мало кто всерьёз воспри-

нимал перманентные выпады Егорыча в сторону властей, поскольку в целом он был склонен к скоморошеству. Нет, это не тот нарочито простоватый тип селянина, талантливо и, как мне представляется, с изрядными допусками, коих трудно избежать, описанный Василием Макаровичем Шукшиным или юмористом Михаилом Евдокимовым. Егорыч по понятным причинам (не умственного содержания) едва ли имел возможность подняться выше сельской восьмилетки, но уж точно слыл человеком начитанным и способным при случае вполне аргументированно «срезать» (опять же по-шукшинской терминологии), попади ему в оппоненты хоть и доценты с кандидатами. А уж меня, терпеливого, сопереживающего властям в любые времена (мол, не боги, имеют право на ошибку и на цепь ошибок тоже) молодого сельского учителя, — разоблачал вне всяких сомнений. На мне он регулярно не без успеха практиковал, обычно припечатывая проверенным аргументом, будто ставил на конверте сургучную печать: «Саня, это тебе не поурочные планы составлять; тут голова требуется пошибче». Если честно, я терпеть не мог те планы составлять, за что завуч законно призывала меня к порядку. И вообще по жизни иду без подробного плана и навигатора, оттого часто спотыкаюсь.

Писатели без фамилий

Когда ничтоже сумняшеся обсуждали с ним прочитанное по трезвому или же за рюмкой чая (такое времяпровождение он уважал особенно), Егорыч обычно не произносил фамилий авторов. Просто звучало уважительное: Василий Макарович, Михаил Афанасьевич, Александр Исаевич, Варлам Шаламыч (отчество Шаламова обычно не произносил, ибо не верил, что и само имя, и тем более отчество — истинные). «Шаламыча» выделял особенно и цитировал его «Колымские рассказы» близко к тексту. Если собеседник более-менее ориентировался в отчествах записных классиков, то с ним можно было вести беседы, а коли нет — неча и время терять с придурком. Таков был расклад от тракториста Егорыча. Повторю: я рассказываю об убеждённом, если не произносить слово «маниакальном», книгочее. Причём, таких доводилось встречать не только в селе, но и в заводских цехах и далее везде. Страна была другая.

Словом, на этом мы с Егорычем и сошлись. Сошлись, возможно, потому, что с моими явными, равно как и с неочевидными, недостатками он мог мириться. Иначе бы послал, как он это талантливо и громко умел, хоть по матушке, хоть на три весёлых буквы. Единственное, что его бесило, — то, что душа моя больше полулитра принципиально не принимала и запрограммирована была на отгрузку лишнего: «Не можешь с душой договориться — прекращай зря переводить качественный продукт!» А о книгах он спорил не столь бурно, допуская, что может существовать иное, отличное от его, Егорыча, мнение.

«Верни сомёнка»

Как я уже говорил в самом начале, познакомились мы «на трубе», служившей перепуском воды из Амура в озеро Круглое, находящееся уже в границах села.

Как пошла вода в Круглое, считай, стартовало волнение селян в связи с подъёмом реки. В волнении пребывают и рыбаки. В это время рыба в вентери обычно не идёт, зато вволюшку побродишь по разливам с острой или постоишь «на трубе».

...Стоим, Егорыч травит трезвый народ, собравшийся ближе к ночи у трубы, соображениями по только что прочитанному «Ивану Денисовичу» из первого восьмитомника Солженицына в мягкой обложке и на бумаге газетной гарнитуры. Сам Александр Исаевич побывает на берегу Круглого (в поперечнике, может, шестьдесят метров, не больше) через пять с лишком лет во время путешествия из Америки через Владивосток и далее поездом через всю Россию до Белокаменной. И принят будет Нобелевский лауреат Егорычем на его родине (отчий дом в шестидесяти метрах по прямой) весьма жёстко. Но об этом позже...

...Заспорили мужики о том, сколь автобиографичен «Денисович». По кругу запустили бутылку самогонки, и Егорыч всё больше распался. Пошли в ход аргументы типа: «Я прочитал там...», «А я прочитал там...», «Да запихай себе в опух эту (следует название федеральной газеты)». Дошли до того, что Солженицына давно завербовало ЦРУ, ещё когда он работал в «шарашке». Егорыч с оппонентами спорил на повышенных... В пляшущих лучах фонарей замахали в воздухе острогами, вот-вот дойдёт до сшибки. Тем временем из отверстия вываливается сомёнок килограмма на четыре, ошавший от путешествия по трубе, и под крики, топот и плеск воды шарахающихся в болотниках браконьеров по песко-гравийной отмели скользит в траву, а там всего в пяти шагах уже и крутой спуск в Круглое. Я в очереди к трубе последний, из недавно прибывших, скромно стою, широко расставив ноги по колени в воде, удерживаю равновесие, дабы не быть сбитым потоком. За сомёнком запоздалая суматошная погоня, однако достаётся он мне. Удар с полузамаха, и рыба на «вилке» из десятка двадцатисантиметровых сталистых негнущихся прутьев с расклёпом и заострением под копьё с рабочей стороны.

Следующие полчаса все молчат. Переваживают обиду, прислушиваются к звукам, доносящимся из трубы, гоняют масло в голове, но всё равно мозгодвигатели от пережитой несправедливости перегреты... «Прощёлкали, пришёл дебютант и взял наше родное кровное». Постепенно вернулись к «Одному дню Ивана Денисовича». Пытаюсь вставить в разговор своё суждение. Но проткнутый тремя спицами сомёнок в моём рюкзаке то и дело взбрыкивает и вновь приводит в волнение рыбаков. Между тем ближе к полуночи Амур добавил, рыба в трубу пошла шибче и, как тотчас отметил один из мужиков на трубе, рыбалка *узяла своё*. Повезло каждому и не по разу. Повторно отличился и я. Разошлись уже ближе к рассвету, поскольку у каждого впереди рабочий день. А ведь будет ещё и следующая ночь на трубе.

— Сашка, верни коллективу сомёнка! — встретившись на сельской улице или в магазине, всякий раз приветствовал меня все последующие годы громкий Егорыч. Это стало чем-то вроде пароля. Иногда, сговорившись, встречались, проводили вечер на берегу Хомутины. Если

не досаждала мошка либо комар. А могли перехватиться посередине протоки и пообщаться прямо на воде, обсудить книжные новинки. Уже и не помню, как менялась цена на «сомёнка» в родном отечестве. Три шестьдесят две, кажется, была. Какое-то время пять тридцать. А когда-то ведь и за два восемьдесят семь брали. Почти даром. Зато книги – в упрёк веку нынешнему – были дешёвы.

«Была у нас великая эпоха»

Конец 80-х и начало 90-х совпали со вторым в советской истории политическим «потеплением» и, значит, замедлением хода машины официальной пропаганды, как следствие, выходом длинного ряда прежде запрещённых книг. Что говорить, если даже мягко диссидентский булгаковский «Мастер...» стал доступен нашему читателю через сорок с лишком лет после смерти автора. И народ тянулся к чтению, собирал библиотеки. Тиражи прорвавшихся к читателю книг были космические, зачастую издания многотомные. Между тем, следовало либо иметь блат, либо быть расторопнее других при распределении квот, или же элементарно не зевать. Люди читали. Каждому непременно хотелось поделиться соображениями с товарищами по работе либо в узком кружке по интересам. Прибавьте сюда стремительные перемены в обществе и связанные с этим нешуточные надежды на лучшее будущее...

Поэтому-то, как помню по работе в стройгруппе совхоза, куда я эмигрировал из школы (по терминологии Егорыча) за высокой зарплатой, с 8 до 9 утра в клубах дыма в насквозь прокуренной прорабской мужики дискутировали о наболевшем, о прочитанном. «Политические» – о том, что пишут в газетах и о подтексте в телепередачах всё более раскрепощавшегося телевидения. А «умеренные», иногда их называли, в пику «политическим», «неоголтелыми», – о прочитанном в книгах. Заканчивалось, напомним, это в лучшем случае к девяти, но обычно в час не укладывались, и прораб психовал: требовалось диспутёрам изрядно напихать, пригрозить, чтобы выдать из прорабской и отправить по рабочим местам. И так происходило, наверное, на всех производственных участках совхоза, да и, пожалуй, всей державы во всех её пределах.

Верховной власти Горбачёва (за рубку садов на Кубани и прочая) доставалось от Егорыча не меньше, чем власти предыдущей – за очереди в магазинах и «блат», то бишь, неравенство возможностей.

Был на этот счёт у Егорыча любимый анекдот о брежневской эпохе. Заводской цех. Митинг в поддержку прогрессивных сил Чили, в результате переворота интернированных военными с генералом Пиночетом во главе. Нетрезвый работяга взбирается на трибуну: «Я не знаю, кто такая Чили, но если «эти» не отпустят Луиса с карнавала (Луиса Корвалана, соратника свергнутого президента Альенде), то я завтра на работу не выйду».

Я бы назвал этот анекдот персонифицированным, уж больно герой его по ментальности схож с самим Егорычем.

Марсель Пруст и Джеймс Джойс

Наши с Егорычем лодки на Хомутине совсем рядом – между нами Петрович, ровесник Егорыча. Чуть дальше Егорыча и ближе к мосту – инвалид Тимофеич, тоже ровесник, но, увы, не книжник. С Тимофеичем о прочитанном не поговоришь...

Занимаясь своим рыболовным хозяйством, переходя от снасти к снасти, боковым зрением вижу, как Егорыч поднимает «бочки» – вентери из проволоки-шестёрки, обтянутые капроновой делью-самовязкой, либо простой картофельной капроновой сеткой. И караси, вынутые рывком из купели, скачут в замкнутом пространстве будто сбрендившие. Вдруг бросает снасть в воду и криком зовёт подгрести и притулить лодку бортом. Подгребаю: «Что случилось, Егорыч?» Удерживая борт моей лодки, Алексей Егорыч громко делится соображениями, а вернее, даже переживаниями:

– Представляешь, этот, как его, бишь, Марсель Пруст и Джеймс Джойс повстречались всего раз в жизни и то в такси. И говорили, думаешь, о чём? – чуть прищурил один глаз взволнованный рыбак.

– О том, кто будет платить за поездку?

– А откуда ты узнал?! – взметнулись вверх брови Алексея.

– Я и не знал. Просто пошутил. Угадал, – отвечаю и только тут обнаруживаю, что Егорыч уже «чуток испитой».

– Э-э-э. Выходит, когда я до обеда искал тебя в мастерских, ты уже праздновал окончание чтения «Улисса»?

– Закончил ещё на прошлой неделе. А это до обеда читал, «ЖЗЛ», про француза. Из города привезли. Вот бы прочитать у Пруста что-нибудь главное... У тя нет? Жаль... – Егорыч, в очередной раз разочаровавшись во мне, готов уже был оттолкнуть мою лодку, но передумал. И битый час делился соображениями о том, как же «плотно» Джойс написал свой «Улисс». У меня затекли члены, вступило в спину, наши соседи по грядке давно уже свалили по домам, вечерело, я уже и так и эдак давал понять, что пора бы семинар заканчивать, но Егорыча мои мучения ничуть не занимали.

– ...Я с трудом продирался в самом начале, ну и потом тоже не слабо... Говорят, писатели стараются на первых страницах выдать на сто двадцать процентов, чтобы, вроде, читателя притянуть за грудки и дальше уже гнать на шестьдесят... Эх, хорошо бы достать «В поисках утраченного времени». Тогда, говорят, можно уже ничего больше не читать. Там всё есть...

– Так это же томов десять! Словом, ещё объёмнее «Улисса»... – пытаюсь что-то говорить, не молчать и не казаться законченным придурком.

Слушая Егорыча, передумал всякого. И о том, что соседка, аппетитная деваха на выданье, попросила у меня главную книгу Джойса, чтобы наваять сочинение на вольную тему, а на деле не смогла прочесть и десяти страниц. И о том, что сам принимался за книгу раз пять-семь, да так и не осилил. Втиснувшись в монолог, признался в этом. Егорыч не сразу сообразил, а включившись, погля-

дел на меня нетрезво и с сочувствием. Он-то осилил и готов был вступить со мной в полемику. Тогда как я испортил ему вечер.

– Да как ты мог, это же Нобелевский лауреат! – искренне негодуя, в растерянности ищет Егорыч на водной глади золотую лодку, в которой восседает тот единственный, который сейчас только и годится ему в собеседники.

В свою очередь в аргументации нажимаю на то, что, мол, переводная литература – это переводная, там многое зависит от переводчика. Мы-де не можем объективно оценить даже Владимира Владимировича (Набокова), – подначиваю Егорыча, – поскольку в поздней эмиграции писал не на русском и только «Лолиту» на родной язык перевёл сам, с другими его наиболее известными книгами переводчики делали что хотели.

– А Джойс – на спор! – лауреатом Нобелевки не является.

В этом я был уверен, поскольку моя подружка с филфака делала курсовую аккуратно по Джойсу и также поначалу удивлялась несправедливости «комитета». Однако Егорыч настаивал: за книгу весом в кило двести не могли не дать Нобелевку, чай не суки и кое-чего соображают. У него, вишь, и лицо... пророка, – не сразу подобрал нужное слово мой начитанный собеседник.

В заключение Егорыч спросил с надеждой:

– Ну, ты прочитал?

– Прочитал... – самую малость соврал я. – Но чтобы о твоей рукописи высказать суждение, надо прочесть пару-тройку раз, да и потребуется для анализа никак не меньше, чем пророк.

Егорыч призадумался.

Кого назначить пророком?

И я стал прикидывать – кто из известных мне на тот момент литераторов хоть сколько-то тянет на пророка. Из тех, кто может согласиться на приглашение прибыть на светлый берег Хомутины для предъявления в качестве пророка.

Самому уже под тридцать и из опубликованного у меня – только небольшая повестушка и пара рассказиков в городской газете. Очевидно, не пророк, иначе бы дорога от города до Маркова перегревалась от движения по ней авто с журналами. Бывал у меня Алексей Воронков, на тот момент ещё не классик-романист, но с серьёзными публикациями в журналах и с изданными книгами. Алексей, как матёрый рыбак с правильными генами, уже лет тридцать рыбалил на Хомутине наездами из города. Между тем, мельком видевший нас с Алексеем вместе, Егорыч утверждал: вы оба не то что на пророка, а даже и на писателя не походите, больно суетливые.

А кто тогда, по каким критериям, кто похож на писателя в большей степени? Мне крыть нечем, на тот момент вживую я видел только Машука, Фотьева, Завальнюка, Борзунову и только что принятых в Союз Дьякову, Игнатенко, Илюшина да Николая Курочкина, который был в Приамурье недолго, проездом из Сибири в Сибирь. Николай Владимирович, стал я прикидывать,

наиболее колоритная фигура из всех перечисленных. Но вскоре засомневался и в этой кандидатуре на должность пророка. Словом, светлый и святой образ в моей голове не сложился. А выбирать следовало именно из литераторов.

С тех пор как вечный судья
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Это Михаил Юрьевич. Но где добыть Юрьевича в наших палестинах? Прочёл строфу на память и переврал чуток, но Егорыч согласился:

– Михаил Юрьевич сгодился бы.

Рассуждения Егорыча зацепили. Настолько, будто меня приговорили к нешуточному сроку и амнистия по данной статье не полагается. Захотелось узнать – к чему это он клонит?

– Писатель должен быть задумчивым, это всегда выглядит красиво, – неожиданно ввернул Егорыч.

Фотьев с Илюшиным были у меня незадолго до нашего с Егорычем разговора. Володька соревнование с Егорычем – кто сможет больше – проиграл, кувыркнулся с вёрткой моей лодки и добирался до берега вплавь, насобирав на себя водорослей. Пока выбирался из купели – медленно, громко отфыркиваясь, что-то пьяно бормоча и категорически не соглашаясь подняться на борт, немного протрезвел. Я при Егорыче спросил поэта и баснописца: как, мол, он насчёт того, чтобы хоть временно побыть пророком? Увы, Николай Иванович не согласился даже на вечер:

– Читал я, Саша, опус твоего Егорыча, который ты мне подсунил в городе. Про совхозного директора-самодура и про то, как устроить житьё в деревне Марково по совести, а затем перенести опыт на всю державу. Нет, я не пророк. Ибо в мире зла это верная смерть. Может, Володя? Он пораскрепощённой. Как ты его назвал, Егорыч? – Иисусик! Что-то в этом и в самом деле есть. Вот и пытай его. Пока в автобусе ехали, дал ему почитать. Он в курсе, – Николай Иванович следил за происходящим на воде вполглаза, иронично и немного остерегаясь за Володю, справедливо считавшегося наиболее талантливым из молодых. Егорычу, человеку проницательному, тогда казалось, что Фотьев немножко ревновал Володю – всё-таки ранний успех, причём успех не «местный», плюс вся жизнь впереди.

В тот раз литературный критик и душевед в задумчивые причислил лишь Фотьева. Но Фотьев «на пророка не пошёл». А Илюшин «не потянул». Выбравшись на берег, Володька переоделся в принесённое мной из дома. Принял. И Егорычу доложил:

– Извини, старина, мне не понравилось. И что ты наехал на директора? Вот ты сейчас на берегу, а ваш «Рыжий», то бишь первый руководитель, думает, как вам зарплату дать вовремя и не обидеть никого чтоб. А про твою повесть, как там ты её назвал, скажу так. Я не против: хочешь быть писателем – будь им. Литераторы должны быть разные, как растительность в лесу. То есть должны быть деревья большие, деревья маленькие, кустарники и трава должна быть...

– Повесть называется «Рыжий». Масть, вишь, у директора такая, – обиделся Егорыч на Иисусика за, очевидно, сравнение его с травой. А зря. Володя продолжил:

– Нет, на пророка не согласен. Раз уж сам Николай Иваныч в отказную, то и я, извини, не Иисус, не Мухаммед, не кто-то иной из предсказателей будущего. Поскольку не могу предсказать грядущие беды даже для себя. Но страдаю не меньше пророков: вот, к примеру, сейчас водка закончится, вы местные, вам пофигу, а я где найду? Лежи, Илюха, в палатке и корми комаров?!

Николаю Ивановичу Хомутина не понравилась; у него на тот момент была заимка под скалой на берегу протоки в Белогорье. И на берегу нашей протоки он больше не появлялся: «Лягушек здесь только и ловить; на реке на перемёт да на галушку либо сплавной сетью по-настоящему серьёзная рыбалка». Не приехал. Так же, как и Володя. Который на трезвую голову на роль молодого пророка годился вполне. На мой взгляд. Но трезвым бывал далеко не всегда.

Бывали на берегу Борзунова, Машук и некоторые другие литераторы, коих мой оппонент категорично приговорил, исключив из списка претендентов:

– Я и Сашке говорил и вам доложу: все вы одинаково суетливые, не способные на самопожертвование и никогда ни «Улисса», ни «Архипелаг ГУЛАГ» не напишете, – отвечивал Егорыч бравшимся читать «Рыжего», но быстро оставлявшим неблагоприятное занятие писателям.

Мои гости обычно отшучивались либо кидались в ответную атаку: читали стихи, например, хвалились наградами, обещая в следующий приезд привезти и доказать. Чего уж такого-разэтакого от пишущих хотел Егорыч – не знаю.

– Ну а если случится встретиться на берегу с самим Леонидом Завальнюком, современным Шекспиром? – доходил я до крайности, не особо веря в возможность такой встречи.

Это были годы, когда ставшие песней строфы «Звонит высокая тоска...» из поэмы «Осень в Благовещенске» звучали, как говорится, из каждого утюга. Как и ещё несколько десятков песен, о чём я не уставал напоминать Егорычу, втайне надеясь, что когда-нибудь Леонид Андреевич заглянет на огонёк. Марк Либерович, его друг и редактор, обещал посодействовать. «Родьку» Завальнюка Егорыч знал, книгу в домашней библиотеке имел, перелистывал её не один раз. При тогдашних «советских» тиражах было нормой, что в каждом читающем доме имелись лучшие книги местных авторов. А насчёт Шекспира... Сомневаюсь, что он прочёл хоть одно стихотворение классика. Словом, к встрече исподволь готовился. Но выручил не Марк Либерович, а тогдашний лидер амурских литераторов.

С Борисом Машуком у меня был хороший контакт. Оба рыбаки. И редкие встречи в городе обычно начинались с обсуждения – куда поехать порыбалить. Случалось, Борис Андреевич звал подключиться к мероприятию. Обычно отказывался, поскольку совсем уж нечего было предъявить читателю. Всё равно я назойливо напоминал о себе. Пару раз был приглашён на коллективные

встречи с Завальнюком, ещё когда лидер местной ячейки писателей снимал кабинет с предбанником на углу Амурской и 50 лет Октября. Пригласил и на семинар молодых литераторов, хорошо отзывался о моих опытах. Но важнее всего то, что это был на редкость задушевный и нефальшивый человек. И ещё важнее – рыбак. Мы долго по телефону и при поездках в город общались с Б.А. Чтобы он приехал, по возможности, с Завальнюком.

Они приехали где-то в середине сентября. Это было спонтанно. Редкий случай для этого времени: Амур поддал, Хомутина вышла из берегов, рыба по последней воде уходила, вентери не ловили, хотя расставлены были по кочке. Поставить сеть на быстрине не представлялось возможным, поставить в кочках – будешь неделю выбирать палки и траву. Вечерело, комар злобствовал. Но коли долгожданные гости прибыли, надо кормить: пройдя по берегу сколь мог, пособирали у соседей улов, прокатились с Машуком по кочкарнику – в вентерях пусто. Тем временем Егорыч и Леонид Андреевич общались. Живой классик был задумчив, даже, казалось, печален. Как заказывали. Егорыч сидел на стульчике, Завальнюк прилёг на мою куртку. Ещё с воды я увидел, как поэт неспешно перелистывал давно уже истёртые замусоленные страницы триллера «Рыжий», и порадовался за автора. Уверен, классик и пары моих строк не прочёл, разве где-нить в журнале, а тут такое внимание. Причалив, краем уха услышал уже финал их разговора:

– Послушай, Алексей, в начале литературной деятельности я как-то возразил опытному литератору по поводу его замечаний: «Но это было в жизни!» На что он ответил: «Если хочешь описывать, что было в жизни, – пиши мемуары. Если желаешь писать художественные произведения – пиши так, чтобы читатель тебе поверил. Чтобы твои мысли и убеждения входили в его голову плавно и незаметно. Я, как читатель, с десятков раз споткнулся, осилив несколько страниц. Литературоведу можно объяснять: мол, наваял эдак, потому что... и для того чтобы... Читателю это не надо. Плевать он хотел на дополнительные разъяснения. Читателю нужен увлекательный и понятный текст.

– Заставить человека задуматься, – вполне доброжелательно объяснял крутившемуся на стульчике и явно закипавшему Егорычу Андреевич, – трудно; но если удаётся, значит, есть талант. Так что... – Леонид Андреевич искал и не находил такого положения, чтобы лежать на ватной куртке было удобно и не холодно. Искал и не находил. – Словом, похоже, зря ты «предъявил» вашему «Рыжему»...

Позднее доводилось не раз слышать и читать нечто подобное из уст разных людей. Но таких, кого можно было бы, не лукавя, назвать живыми классиками, среди них не было. Егорычу свезло. В другом случае это можно было бы назвать программой на творческую жизнь. Ведь некоторые, особенно из прозаиков, в пятьдесят только начинают. Но Егорыч этого не оценил.

От протоки стал напоздать на берег холодный воздух. От ухи гости отказались. Посидели за разложенным столом, потыкали вилками в колбасную нарезку, привезённую из города гостями; её в ту пору

не так-то просто было в магазине взять, нынешняя молодёжь в такое не поверит. Поднялся в воздух на кормёжку миллиард комаров, коих особенно много после дождя и на подъёме воды, и Борис Андреевич засобирался: «Да мы вообще планировали на мою родную Кузьму».

Стало как-то неловко. И Егорыч не скрывал разочарования; ему, очевидно, хотелось вступить с гостем в спор: «Может, обиделись, что рыбы не поймали? Так давай по деревне пособираем по холодильникам. Нашу же рыбу и соберём у людей. А потом вернём. Мы ведь ещё наловим».

Долгожданные гости не пробыли на берегу Хомутины и полдня. Я расстроился, но после спешного отъезда пытался шутить над Егорычем, ещё при гостях быстро набравшим норму: мол, ты заказывал задумчивого писателя, годящегося в пророки, вот и получил ровно такого. Чего тебе ещё? Требовательный Егорыч промолчал. Было похоже — на что-то злится.

Много позднее он сознался: показалось-де, что автор «Родки» похож на директора их ремеслухи. От того беса горластому непоседе Лёшке Зенину доставалось больше других: неурочные работы, часто ночные, подзатыльники и пинки, щипки и болезненные обидные накручивания уха. Небольшой сборник стихов поэта, подаренный мной, критик Егорыч не оценил. Да и пытался ли вчитываться? А репродукции с картин писателя назвал не иначе, как бредом сумасшедших маляров. Словом, не простил поэту, что тот поразительно похож на ненавистного директора ремесленного училища. Походило это на месть. Может, рассчитывал, что поэт возьмётся издать «Рыжего» в Москве, да обломилось? И мы отделились. Хотя продолжали нести вахту на протоке.

Отправил лауреата

Как я уже анонсировал, досталось на орехи и Солженицыну. «Вермонтского затворника» в июне 1994 года организаторы помпезной поездки по России привезли в Марково, провели по селу, демонстрировали признаки благополучия. Александр Исаевич что-то говорил сопровождавшим его людям, в числе которых оказался и Егорыч. О чём вещал пророк? О том, как должно пойти не мнимое, а реальное обустройство России-матушки. Егорыч, проштудировавший восьмитомник Исаича не раз и подготовившийся к встрече, в какой-то момент вскипел, может, был «чуток испитой», и натурально отправил гостя, куда обычно отправляет забубенных товарищей-собутыльников, когда остро хочется, но нет возможности добыть. Я находился в отъезде. Мне рассказали позднее, описав, как было, в красках. Попеняли на неправильных марковчан (или марковцев?). Но лишь много позднее я таки порасспросил Алексея Егоровича: с чего, мол, твоё творческое дерево, твой ветвистый дуб вдруг рухнул на голову всемирной знаменитости? Почему, за что? И могли услышать твоё пожелание Писатель? «Не сомневайся, услышал. Почему? А чего это он так легко согласился жить по соседству с элитой, с властью предрержащими в Серебряном Бору? Пусть бы сначала прошёл пёхом по Расее, без сопровождения чиновников, да поглядел, куда страна котится...»

Ох и трудно бывает пророку угодить нерядовому человеку с царём в голове! Или вовсе невозможно?

А ушёл из жизни Егорыч до срока, так и не получив от неё сатисфакции. В точности, как описано в рассказе «Легко умереть». И свои творческие амбиции забрал с собой. Пусть ему ТАМ больше повезёт.